

А.И. Цомакион

Сервантес

Его жизнь и литературная деятельность

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
А11

A11 **А.И. Цомакион**
Сервантес: Его жизнь и литературная деятельность / А.И. Цомакион – М.: Книга по Требованию, 2021. – 70 с.

ISBN 978-5-4241-2464-8

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

ISBN 978-5-4241-2464-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© А.И. Цомакион, 2021

А. И. Цокмакион
Сервантес. Его жизнь и
литературная деятельность

Биографический очерк А. И. Цомаки-
он

С портретом Сервантеса, гравиро-
ванным в Лейпциге Геданом

Глава I

Сервантес – отверженец судьбы. – Биографы Сервантеса. – Его родина. – Его семья. – Бедность. – Воспитание. – Любовь к природе и поэзии. – Учителя. – Хуан Лопес де Ойос. – Лопе де Руэда. – Состояние испанского театра в то время. – Взгляд Сервантеса на Лопе де Руэда, – Сервантес-юноша. – Его наружность. – Его любовь к военному делу. – Отъезд в Италию. – Священная лига. – Дон Хуан Австрийский. – Лепанто. – Наварин. – Галета. – Отъезд в Испанию.

«Не было в жизни моей ни одного дня, когда бы мне удалось подняться на верх колеса Фортуны; как только я начинаю взбираться на него, оно останавливается». К такому печальному выводу приходит Сервантес, приближаясь уже к концу своего жизненного пути, усталый, но не побежденный в двойной борьбе, с одной стороны, – за торжество своих идей с окружающими условиями жизни, с другой, – за свое личное существование с вечной материальной нуждой. «Слышал я, – говорит один из его излюбленных героев, простодушный Санчо Панса, – что эта называемая нами судьбой баба – причудливая, капризная, всегда хмельная и вдобавок слепая; она не видит, что творит, и не знает, ни кого унижает, ни кого возвышает». Эти приведенные нами слова на каждом шагу невольно вспоминаются биографу Сервантеса; на каждом шагу приходится ему убеждаться, что по отношению к великому испанскому писателю хмельная и слепая баба неизменно оказывалась более чем когда-либо причудливой и капризной и решительно не хотела знать, кого так упорно унижает. Нет никакого сомнения, что если Сервантес не был в конце концов побежден своими несчастьями, то только благодаря счастливым свойствам своей натуры, которыми щедро наделила его более благосклонная к нему природа и обладая которыми он являлся человеком вполне приспособленным для успешной борьбы со всевозможными невзгодами. Следя за ним шаг за шагом, начиная с молодых его лет, мы постоянно присутствуем при различных фазах этой нескончаемой борьбы, и часто невольно вспоминается нам известная сказка Гримма, где сходятся у колыбели ребенка две феи – добрая и злая – и решают его будущее, причем первая разрушает чары второй. Гениальный ум Сервантеса, раскрывавший перед ним обширные горизонты, уносил его в сферу широких идей и ставил выше мелких интересов личного существования; несокрушимая, в полном смысле слова железная воля позволяла ему стойко проводить в жизнь дорогие ему идеи правды, добра, справедливости и милосердия, всегда сохраняя таким образом душевную гармонию; глубокая, непоколебимая вера в добро и добродетель поддерживала его в те тяжкие минуты, когда великодушные мечты его разбивались о действительность; горячее, любящее сердце делало его способным жить и чувствовать себя счастливым чужим счастьем, а здоровая веселость нрава заставляла быстро забывать личные страдания и неудачи. Благодаря этим неоценимым свойствам, страдания и борьба только закаляли Сервантеса, сохранившего до последней минуты неприскобновенной веру в свои идеалы. Заканчивая твердыми шагами тяжелый жизненный путь, на котором судьба щедрою рукою нагромодила терниев, тщательно убрав с него цветы, он все еще видел перед собою свою путеводную звезду и, озаренный ее тихим сиянием, мог высоко нести свою гордую седую голову, не умеющую склоняться ни перед людьми, ни перед обстоятельствами.

Перелистывая страница за страницей его биографию, мы встречаем в ней много несчастий, но не встречаем минорных нот, и лебединая песнь его заканчивается могучими аккордами *quinto e energico*.¹

Первым обстоятельным биографом Сервантеса был испанец Наварет, живший в начале текущего (XIX. – *Ред.*) столетия и написавший сочинение под названием «Жизнь Сервантеса» на основании достоверных источников и собственных показаний творца «Дон Кихота». До тех пор многие пытались по возможности восстановить факты его жизни, но за неимением достоверных сведений эти попытки не давали никаких результатов. Так, например, первый по порядку биограф Сервантеса, Грегорио Маянс, составивший его жизнеописание в начале XVIII века (в 1738 году), простодушно заявляет, что обстоятельства жизни Сервантеса достоверно не известны. Толчок, данный Наваретом, вызвал ряд исследований, которыми занималась с тех пор целая плеяда испанских писателей. Эти изыскания продолжают и сейчас, внося новый свет в изучение как жизни, так и творений великого испанского гения. В текущем столетии появилось немало биографий Сервантеса также и на иностранных языках; среди них биографии Виардо во Франции и Роско в Англии. Но главным источником для биографии Сервантеса продолжает служить до сих пор добросовестная работа Наварета.

Мигель де Сервантес Сааведра родился в 1547 году в небольшом, но цветущем городке Алькала де Энарес, в двадцати милях от Мадрида. Он был младшим членом бедной, но знатной семьи идалго. Отца его звали Родриго Сервантес, мать – Леонора Кортинас. Кроме Мигеля, в семье были две дочери, Андреа и Луиза, и сын Родриго. Фамилия Сервантес насчитывала уже пять столетий рыцарства и общественной службы и была не только широко распространена в Испании, но имела своих представителей в Мексике и в других частях Америки. «Семья эта, – говорил историк, – является в испанских летописях в течение пяти столетий окруженною таким блеском и славою, что относительно происхождения ей нет основания завидовать какой бы то ни было из наиболее знатных фамилий Европы». Сааведра были первоначально горцами Северной Испании, но в XI столетии, вооружившись на защиту христианства против мавров, они прошли всю Испанию, затем с течением времени частью переселились в Новый Свет, частью же рассеялись по всему полуострову, продолжая строго держаться традиций гордых идалго и постепенно все более и более впадая в крайнюю бедность. Путем брачных уз фамилия Сааведра соединилась в XV веке с фамилией Сервантес, которая в XVI веке пришла, по-видимому, в крайний упадок.

На последнее обстоятельство, вероятно, намекает Сервантес в своем «Дон Кихоте», заставляя сказать своего героя: «Есть два рода дворянства и родословных. Одни происходят от королей и принцев, но мало-помалу значение их уменьшилось, и, вышедши из широкого основания, роды эти окончились, как пирамида, едва заметною точкою; другие же, напротив, происходят от скромных и безызвестных предков, мало-помалу стяжали себе известность и блеск. Так что, Санчо, одни становятся тем, чем они не были, а другие были тем, чем перестали быть».

Гордые своим происхождением дед и отец Сервантеса старались утешить себя в настоящей бедности, часто вспоминая о прежнем величии своей фамилии. Рассказам о подвигах Сааведра не было конца в доме Родриго Сервантеса, и они

составляли любимую тему для разговоров у его семейного очага. Таким образом, одним из первых впечатлений, которые легли на душу маленького Мигеля, была гордость своим происхождением и славою своих предков. Он никогда не забывал, что был членом семьи Сааведра. Но рядом с этими воспоминаниями о безвозвратно угасшем величии входили в душу ребенка другие, совершенно противоположные впечатления, вызванные крайней бедностью окружавшей его обстановки. Можно думать, что первая страница «Дон Кихота», знакомящая нас с домашним бытом бедного испанского идадьго, носит характер автобиографический, подобно многим другим страницам этого романа, и что описание это почерпнуто Сервантесом из отдаленных воспоминаний детства.

«В небольшом местечке Ламанча, – говорит он, – жил недавно один из тех идадьго, у которых можно найти старинный щит, копье на палке, тощую клячу и гончую собаку. Кусок отварной баранины, изредка говядины к обеду, винегрет вечером, кушанье *скорби и сокрушения* по субботам², чечевица по пятницам и пара голубей, приготовлявшихся сверх обыкновенного в воскресенье, поглощали три четверти его годового дохода. Остальная четверть расходовалась на платье его, состоявшее из тонкого суконного полукафтання с плисовыми панталонами и такими же туфлями, надеваемыми в праздник, и камзола из лучшей туземной саржи, носимого им в будни».

И, несмотря на такие скудные средства к жизни, рассказывает далее Сервантес, свободное время его героя состояло чуть ли не из 365 дней в году. Описание это довольно яркими красками рисует нам гордую бедность испанского идадьго, готового скорее переносить недостаток, нежели унизиться до непривычного труда, питающего, по его мнению, память великих предков. Еще характернее строки, встречаемые нами во второй части романа:

«О бедность, бедность! – восклицает Сервантес. – К чему ты гнездишься по преимуществу между идадьго и дворянами? К чему ты заставляешь их класть заплаты на башмаки свои и на одном и том же камзоле носить пуговицы всякого рода: шелковые, костяные, стеклянные? Почему воротники их большею частью измяты, как цикорные листья, и не выкрахмалены? О, несчастный идадьго, с твоею благородной кровью! Затворивши двери, питаешься ты лишь своею честью; и к чему, выходя из дому, лицемерно употребляешь ты зубочистку, не съевши ничего такого, что могло бы тебя заставить чистить себе зубы. Несчастны эти щекоотливо самолюбивые люди, воображающие, будто все видят за милю заплатку на их башмаке, вытертые нитки на их плаще, пот на шляпе и голод в желудке».

В такой или, во всяком случае, очень похожей обстановке родился и воспитывался Мигель Сервантес. День рождения его в точности неизвестен; достоверно, однако, что крещение он принял 9 октября 1547 года, а так как у католиков был обычай совершать этот обряд вскоре после рождения, то предполагают, что родился Сервантес в тот же день или накануне. Другие биографы относят день рождения его на 29 сентября, то есть день св. Михаила, на основании существовавшего у испанцев обычая давать ребенку имя того святого, в день которого он родился. О детстве Сервантеса мы имеем лишь очень скудные сведения. Почти единственными источниками для ознакомления с этой первой порой его жизни служат некоторые указания, часто только намеки, разбросанные там и сям в его сочинениях. Известно, что первое воспитание он получил в родном город-

ке Алькале. В своем «Разговоре собак», написанном уже в старости, Сервантес с любовью вспоминает о начальном училище, которое он посещал, будучи ребенком; но нигде из его слов нельзя заключить, чтобы кто-нибудь особенно интересовался его образованием в это время. В той среде, в которой пришлось расти Сервантесу, больше всего заботились о том, чтобы воспитать в ребенке чувства настоящего идалго, верного унаследованным от предков традициям; на образование же смотрели как на предмет маловажный, о котором особенно хлопотать нет надобности. Между тем Сервантес родился и вырос, так сказать, в центре испанской образованности того времени.

В описываемую эпоху город Алькала переживал свой расцвет благодаря учрежденному здесь кардиналом Хименесом де Циснеросом университету. Расположенный среди цветущей мирной равнины, недалеко от столицы и вместе с тем в стороне от суеты и шума большого центра, город Алькала привлекал к себе учащуюся молодежь из Каталонии, Андалусии и Кастилии. Здесь встречали радушный прием как искусства, завезенные сюда из Италии, так и точные науки, занесенные с юга Испании арабами. Тем не менее, родившийся в этом центре просвещения Сервантес никогда не был причастен к Алькальскому университету. Родители его были настолько бедны, что не имели средств дать ему высшее образование. «Сыновья разбогатевших купцов, – говорил он впоследствии, – посылали своих детей в школы. Но сын семьи Сааведра был лишен возможности следовать по пути, который ведет к почестям». Однако склад окружающей жизни все же оказал свое влияние на ум Сервантеса; в нем рано пробудились любознательность и та чрезвычайная вдумчивость, которая так заметно отражалась впоследствии на всей его деятельности. Живой и впечатлительный юноша, мало знакомый со школьной наукой, учился главным образом по двум книгам. Первою из этих книг была природа, которую он любил всей душою, вторую – сама окружающая его жизнь, которую он рано научился наблюдать и из которой умел выносить полезные для себя уроки. Услуги, оказанные ему этими двумя книгами, были во всяком случае не хуже тех, которые он мог ожидать от схоластической науки XVI века. Сервантес обожал родной город и, уже будучи ребенком, хорошо ознакомился с ним.

Часто впоследствии описывал он берега и свежие струи своего Энареса, и эти воспоминания, живые и отчетливые, заставляют думать, что нередкие школьные занятия мальчика приносились в жертву ради загородных прогулок, ради возможности подышать чистым воздухом на берегу реки и насладиться видом окрестных холмов, окаймляющих равнину.

Но не только природу любил Сервантес. По его собственному свидетельству, у него рано проявилась также и любовь к чтению, и он читал все попадавшееся ему под руку, подбирая даже клочки исписанной бумаги, валявшиеся где-нибудь в грязи на улице. В книгах нравилось ему все, что рождало плодотворную мысль, что вызывало живое впечатление. «С первых лет нежного детства моего любил я столь сладостное искусство изящной поэзии, – говорит он впоследствии в своем „Путешествии на Парнас“, обращаясь к Аполлону, – и посредством ее всегда старался нравиться тебе». Эти ранние занятия поэзией не остались без последствий для Сервантеса; хотя он и не сделался выдающимся поэтом, – для этого он был слишком философ, – тем не менее, его изящная, свободная проза, его живой образный язык носят на себе следы его юношеских стихотворных

опытов.

Судя по некоторым имеющимся данным, Сервантес продолжал свое образование в Мадриде и провел два года в Саламанкском университете, изучая юриспруденцию, но не получил ученой степени, что не раз ставилось ему на вид его врагами и служило для последних постоянным оружием против него.

Хотя первыми учителями молодого Сервантеса были природа и поэты, но имелись у него также и другие наставники, оказавшие громадное и неизгладимое влияние на его умственное развитие. Один из них был священник, живший в Мадриде, другой – странствующий народный актер. Священник по имени Хуан Лопес де Ойос преподавал риторику и составил себе славу тем, что содействовал развитию молодых талантов, заставляя их заниматься сочинением небольших поэтических произведений и с любовью руководя этими работами молодежи. В 1569 году, по случаю смерти Изабеллы Валуа, несчастной супруги Филиппа II, печальная судьба которой изображена Шиллером в его «Дон Карлосе», Ойос предложил своим ученикам написать на конкурс хвалебное стихотворение в честь покойной королевы. Между стихотворениями, напечатанными им по этому случаю, особенной похвалы удостоились шесть вариантов, написанных Сервантесом, его, как он выражался, «дорогим и возлюбленным учеником», которому он поспешил публично выразить свое уважение. Таким образом, этот первый дебют на литературном поприще молодого Сервантеса, которому было тогда 22 года, увенчался блестящим успехом. Однако на самом деле его стихотворения не отличались достоинствами, в достаточной степени оправдывающими восторженные похвалы учителя. Тем не менее, достоверно установленный факт, что одна из элгий Сервантеса была издана от имени всей школы, доказывает, каким уважением пользовался он со стороны товарищей своих.

Другим учителем Сервантеса был, как сказано, кочующий актер Лопе де Руэда. По ремеслу золотых дел мастер, он по неизвестным нам причинам оставил как свое занятие, так и свое местожительство, Севилью, и сделался одновременно актером и драматическим писателем. Это был самородок, одаренный необыкновенным комическим талантом. Он собрал небольшую труппу из нескольких актеров, исполнявших и мужские, и женские роли, так как в то время женщины не допускались на подмостки. Репертуар составляли пьесы его собственного сочинения: четыре комедии, два пастушеских *coloquis*³, десять диалогов в прозе и два диалога в стихах. Пьесы эти разыгрывал он на площадях Севильи, Кордовы, Валенсии, Сеговии и по всей вероятности еще и других городов, приводя в восторг своих нетребовательных слушателей, между которыми одним из самых восторженных был молодой Мигель Сервантес.

Во времена Лопе де Руэда испанский народный театр находился в периоде зарождения и своим возникновением обязан этому странствующему актеру-драматургу. До тех пор драматические представления в Испании ограничивались религиозными пантомимами, которые устраивались для народа в церквях под наблюдением духовенства, и доступными для немногих избранных частных спектаклями, исполнявшимися при дворе или во дворцах вельмож. Здесь разыгрывались пьесы первых испанских драматических писателей: Хуана Энцины, Хилья Виценте, Торреса Нахаро и других, из которых только последний сделал попытку придать театру более или менее народный характер.

Лопе де Руэда первый вынес эти представления на площадь и приспособил

их к пониманию, вкусам и нравам толпы. Главную целью разнообразных по форме драматических произведений, созданных Лопе де Руэда, было желание позабавить публику низшего класса. При этом средства, которыми он располагал для своей цели, были так мизерны, что они не могут идти в сравнение даже с теми приспособлениями, которыми обыкновенно обставляются в наше время кукольные комедии. Переходя со своею труппой из города в город, из селения в селение, он устраивал свою незатейливую сцену в первом удобном для этого месте. В 1558 году мы застаем его в Сеговии, где он дает представления в новом соборе в течение недели, следовавшей за его освящением. В 1560 году он располагается на одной из площадей города Алькалы. Здесь на скамье для зрителей можно было видеть молодого мальчика, явившегося чуть ли не первым занять место на представление любимца уличной публики. Огненные глаза мальчика, не пропускавшие ни одного движения актеров, вздрагивавшие от внутреннего волнения тонкие подвижные ноздри и вместе с тем неподвижная поза, в которой он, казалось, застыл при первых словах, сказанных со сцены, – все обличало в нем в высшей степени напряженное внимание и страстный интерес к происходившему. Этот прелестный, симпатичный мальчик был Мигель Сервантес, которому мы обязаны самыми подробными сведениями о народных представлениях Лопе де Руэда и об их авторе.

«Во время этого знаменитого испанца, – говорит автор „Дон Кихота“ в прологе к своим комедиям, – все бутафорские принадлежности умещались в одном мешке и состояли из четырех белых пастушеских курток с кожаными отворотами и с позолотой, четырех бород, коллекции париков и четырех или более посохов. Пьесы наподобие эклог состояли из разговоров между двумя или тремя пастухами и пастушкой. В них вставлялись две или три интермедии, где появлялись негр, негодяй, шут, а иногда и бискаец. Все эти четыре роли и многие другие исполнял сам Лопе де Руэда с неподражаемым искусством». Комедии разделены были на сцены не длиннее обыкновенных фарсов, с которыми они вообще сходны по характеру. «В это время, – продолжает Сервантес, – не употребляли никаких машин, не прибегали к привидениям, выходящим как бы из центра земли... Не были в ходу также и спускающиеся с неба облака, на которых приносились ангелы или души усопших... Сцена состояла из четырех скамеек, образующих четырехугольник, устланный досками, и возвышалась над поверхностью земли не более как на четыре пяди... Старое одеяло, отдергивающееся с помощью двух веревок, отделяло от публики так называемую уборную, где помещались музыканты, которые пели старинные баллады, не имея даже гитары для аккомпанемента».

При такой незатейливой обстановке разыгрывал Лопе де Руэда свои комедии, интермедии и диалоги. Последние представляли небольшие бойкие сценки без интриги и развязки, предназначенные позабавить на несколько минут праздную публику. Так, например, сюжетом двух диалогов служат проделки обжор вроде слуги, который «нечаянно» съедает вкусный пирог, посланный его господину в подарок от его возлюбленной, и после долгой мистификации наконец просто-душно сознается в своем проступке. В других диалогах происходят сцены между трюсами и мошенниками. Вообще сюжеты их взяты из обыденной жизни и обработаны очень остроумно. Не менее забавны и комедии. В одной из них, под заглавием «Оливки», двое супругов доходят до крайних пределов раздраже-

ния и избивают до полусмерти свою ни в чем неповинную дочь, споря о том, по какой цене будут они продавать оливки, собранные с деревьев, для посадки которых еще не вспахана земля.

Представления начинались, когда собиралось достаточное количество зрителей. Они происходили до полудня и после полудня. Так, например, по окончании одной из своих пьес Лопе де Руэда просит своих слушателей разойтись покушать, а потом снова возвратиться на свои места. Как сам антрепренер, так и вся его маленькая труппа пользовались большою симпатией публики, несмотря на то, что они принадлежали к отверженному в то время сословию комедиантов. Что же касается Сервантеса, то он до конца жизни сохранил во всей силе и свежести впечатление от наивных пьес народного актера. Сценический талант последнего, его наблюдательность и здравый смысл представлялись автору «Дон Кихота» чем-то настолько выходящим из ряда, что даже за год до смерти своей он писал о нем хвалебный отзыв, глубоко сожалея, что не может во всех подробностях воспроизвести запечатлевшиеся в памяти воспоминания о Лопе де Руэда.

«В пастушеской поэзии, — говорил Сервантес, будучи уже стариком, — он был неподражаем; в этом роде поэзии ни раньше, ни после никто не превзошел его, и хотя (будучи тогда ребенком) я не мог правильно оценить достоинства его стихов, тем не менее, когда теперь, находясь в зрелом возрасте, я вспоминаю сохранившиеся у меня в памяти некоторые строфы, то прихожу к заключению, что вынесенное мною впечатление было совершенно правильно».

Сообщенными нами сведениями исчерпывается все, что известно о детстве Сервантеса. Неудивительно после всего сказанного, что из него выработался юноша более умный, нежели ученый, вооруженный для будущей деятельности в большей степени способностью наблюдать окружающую жизнь, нежели начитанностью. К двадцати годам это был молодой идальго, дорожащий знатностью своего имени и славою предков, гордый, несмотря на свою бедность, с характером, закалившимся в борьбе с материальными лишениями, независимый, свободолобивый, смелый и страстно жаждущий полезной и самоотверженной деятельности. Его мужественная красота как нельзя более гармонировала с внутренним содержанием. На сохранившихся портретах его мы видим человека с лицом энергичным и выразительным, с высоким лбом, с откинутыми назад волосами, с правильной дугообразной линией бровей. Орлиный нос с тонкими подвижными ноздрями, изящная извилистая линия губ, огненные, пронизательные, широко открытые глаза с легким оттенком иронии во взгляде, — все это резко, определенно и изобличает натуру прямую и цельную, человека деятельного и положительного, не имеющего ничего общего с мечтателями.

Если мы припомним строй тогдашнего испанского общества, где согласно национальным чертам характера, выработанным в вековой борьбе с маврами, идальго неизбежно должен был быть или военным, или духовным лицом, то для нас не останется никакого сомнения, что такой юноша, каким был Сервантес, не мог не стремиться к военной карьере. Брат его, Родриго, находился в то время уже в рядах войск, посланных во Фландрию; младшему брату естественно было оставаться при семье, но он и слышать не хотел о какой-либо мирной деятельности, тем более духовной. Военные доблести представлялись ему выше всех возможных добродетелей. Он находил, что среди невзгод и лишений военной жизни лучше всего должны вырабатываться все высокие качества души, что удел